

МЕЛИСС И ЕГО ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ

Игнатенко Евгений Анатольевич

аспирант Института философии и права СО РАН РФ, г. Тогучин

MELISS AND ITS A SINGLE UNIT

Evgenii Ignatenko

postgraduate student of the Institute of philosophy and law SB RAS, Russia, Toguchin

Аннотация. Дана оценка вкладу Мелисса в развитие философии элеатов и всей древнегреческой философии в целом; произведена реконструкция философских воззрений Мелисса относительно единства и множественности космоса, относительно возникновения мира и вещей в нём; относительно изменения и развития Вселенной.

Abstract. Given the estimation of the Meliss's contribution to the development of the philosophy of the Eleatic and ancient Greek philosophy as a whole; the reconstruction of the philosophical views of Meliss regarding the unity and plurality of the cosmos, concerning the emergence of the world and things in it; concerning the change and development of the Universe.

Ключевые слова: Мелисс, Зенон, Парменид, возникновение, существование, время, вечность, бытие, небытие, ничто, единое, множество, изменение, развитие, превращение, атомистическая картина мира, безграничное пространство

Keywords: Meliss, Zeno, Parmenides, appearance, existence, time, eternity, being, nonexistence, nothing, single, multitude, change, development, transformation, atomistic picture of the world, unlimited space

Единое и Множество

Выдвигая в качестве предположения тезис о том, что в учении Мелисса наличествует как связь с атомистической теорией Левкиппа и Демокрита, так и с учением Анаксимандра, мы утверждаем, что Мелисс допускал наличие множества вещей, но только объединённых в единое Целое, причём бесконечное и безграничное.

Для обоснования этого предположения сошлемся на слова Аристотеля. Известно его негативное отношение к размышлениям Мелисса: «...этих философов...именно Ксенофана и Мелисса...как мыслящих более грубо» [1, 24с.]. Рассматривая утверждения Мелисса и Парменида, касающиеся сути единого и многого, Аристотель пишет, что у представителей школы элеатов «...если единое непрерывно, оно будет многим, так как непрерывное делимо до бесконечности...» [2, 64с.]. Об этом и говорит фрагмент ДК В8 (6): «...Одно, непрерывное». А так как, по мнению Аристотеля, у элеатов «...сущее обозначает единое...» [2, 66с.], то сущее и

одно, и многое. Опровергая утверждение P. Curd о том, что «Melissus...advocates numerical monism...» (Мелисс...отстаивает количественный монизм – пер.мой) [12, 49p.], мы полагаем, что монизм Мелисса – разновидность так называемого «предикативного монизма», в котором единое сущее выступает и в качестве способа познания мира, и как сам материальный мир, безграничный и бесконечный. У Псевдо-Аристотеля мы находим изложение понимания «Единого» у Мелисса не как простого «Одного», а как всеобъемлющего «Всеединого» - категории, определяющей вечное существование Вселенной: «Ведь он сам (Мелисс – прим. моё) ассоциирует с (атрибутом) «бесконечное» понятие и предикат «все» (=универсум всех вещей) [DK A5 975a3.1]. Тот же Псевдо-Аристотель, допуская простое «Одно» у Мелисса, полагает, что это «Одно» «...имеет части, не тождественные самому себе – но все подобные самому себе» [DK A 976A12]. Но это же прямое утверждение о допустимости в учении Мелисса неких однородных частиц, подобных всецелому единому самому по себе, но не тождественных друг другу. Кроме того, «...он (Мелисс – прим. моё) называет универсум «подобным»...что, очевидно, доказывает конечность (универсума): если бесконечное «подобно»... то это означает, что оно...не одно и не бесконечно...» [Псевдо-Аристотель «О Мелиссе, Ксенофане и Горгии, гл.1, 1, DK A976A15]. Представляется, что для Мелисса однородность и целокупность выступают в качестве атрибута «все-единого», неопределённого нечто, бесконечного и безграничного Единого. Но эта однородность, означающая подобочастность, то есть подобие частиц друг другу либо универсуму в целом, характерна для завершённого, но, одновременно, безграничного Единого. Понимание такого противоречивого вывода зиждется, по нашему мнению, на следующих рассуждениях и итоговом утверждении:

Единое – одно, поскольку состояло и состоит из подобных друг другу частиц, и частицы объединены в единое Целое. Мелисс и не утверждает, что не может быть множества частиц, а только предполагает, какими они (частицы) должны быть: «...если бы было многих [сущих], то они должны были бы быть точно такими, как одно» [Симпликий, комментарий к «О небе», 558, 19, DK B8 (6)]. Рассматривая философские категории единого и многого в философии Мелисса, необходимо обратить внимание и на понимание Единого как некоего обобщающего первопринципа, и как некоей сущности в целом, и как сути происходящих процессов в мире, и, особенно, на понимание множества Мелиссом. Это понимание зиждется, по нашему мнению, на позиции учителя «отважного адмирала», по словам Т. Гомперца, Парменида Элейского. Эту позицию озвучивает Симпликий: «...сущее одно-единственное...если оно делимо...и если повторять это [дихотомическое деление] постоянно, то либо останутся некие предельные величины, наименьшие и неделимые...а числом бесконечные, так что универсум окажется состоящим из наименьших, числом бесконечных [величин], либо [сущее] бесследно исчезнет, и разложится в ничто, и окажется состоящим из ничего, однако и то и другое абсурдно. Следовательно [сущее] не делится, но пребывает одно. К тому же если оно делимо, то, коль скоро оно везде однородно [букв. «подобно»], оно будет одинаково делимо везде...» [Симпликий, комментарий к «Физике», 139, 24, DK A20b (2)]. То есть, Парменид допускает деление сущего, причём равномерное деление на однородные и подобные друг другу частицы. Правда, он считает это абсурдным, по причине возникновения бесконечного ряда величин. И, кроме того, раз все частицы равны друг другу и располагаются вплотную друг с другом, ибо пустоты не существует, то «...Тем самым Всё непрерывно: ибо сущее примыкает к сущему» [Симпликий, комментарий к «Физике», 179, 29, DK B8 (25)]. И это понятие сущности или бытия применимо ко всем вещам. Следовательно, оно Одно и Единое. А объясняется это, по мнению Симпликия, тем, что у досократиков «...о многозначности [сущего] никто и понятия не имел...никто не различал субстанционально сущего и акцидентально сущего...» [Симпликий, комментарий к «Физике», 115, 11, DK A28]. Развивая позицию своего сотоварища по элейскому братству Зенона, желающего «...софистически опровергнуть очевидность...что...множество – из единиц...» [Филопон, комментарий к «Физике», 42, 9, DK A21(4)] состоять не может и доказывающего это тем, что «...Сократ...которого вы считаете единицей, образующей наряду с другими единицами множество, не только «Сократ», но также «белый», «философ», «пузатый» и «курносый» [Филопон, комментарий к «Физике», 42, 9, DK A21(4)], то есть не только одно понятие или один реальный человек, но и существо многозначное, обладающее несколькими признаками, и утверждающего, что «...тот же самый не может быть одним и многим...» [Филопон, комментарий к «Физике», 42, 9, DK A21(4)], Мелисс совершил, по нашему мнению, онтологический поворот, опираясь на рассуждения Зенона. Если Зенон утверждал, что «...вещи-единицы», то Мелисс считал сущими следующие первоначала и первоэлементы: «...земля, вода, воздух, огонь, и железо, и золото...» [Симпликий, комментарий к «О небе», 558, 19, DK B8(2)]. И главное, это всё «...есть...»

[Симпликий, комментарий к «О небе», 558, 19, DK B8(2)] и, помимо этого «...одно живое, а другое мертвое, и белое, и черное...истинно есть...» [Симпликий, комментарий к «О небе», 558, 19, DK B8(2)]. Но «...каждое из них должно быть точно таким, каким...[должно быть сущее]...» [Симпликий, комментарий к «О небе», 558, 19, DK B8(2)]. По словам А.Ф.Лосева, «...у Мелисса...говорится, что вода, воздух и др., будучи одним и тем же, различаются между собой только очертанием» [5, 130 с.]. Такой вот материалистический поворот и переворот в понимании сущности единого и многого.

Возникновение и существование

Единое – не рождалось и не возникало, ибо «...если оно возникло [-стало быть], необходимо, чтобы до того, как возникнуть, оно было ничем. Если же не было ничего, никогда бы не возникло ничего из ничего» [Симпликий, комментарий к «Физике», 162, 24, DK B01 (1)]. Эта позиция Мелисса близка воззрениям Анаксимандра, Гераклита и Демокрита. Так, согласно Симпликию и Теофрасту утверждения Анаксимандра насчёт возникновения таковы: «...земля и точно так же все остальные тела...не возникают, но изначально содержатся [в смеси]» [DK A9]. Правда, он допускал возникновение миров-небосводов и бесконечных космосов, но в рамках Бесконечного самого по себе, которое вечно и неуничтожимо, «...причём испокон бесконечного веку повторяется-по-кругу все одно и то же» [DK A10]. У Гераклита «...Космос сей, тот же для всех и для вся, ни из богов никто, ни из людей не сотворил, но присно он был, и есть он, и будет, огонь присноживый мерно вспыхивающий и мерно потухающий...» [Климент Александрийский «Строматы, V, 103, 6. Евсевий «Приготовление к Евангелию», XIII, 13, 30. 7, 162с.]. По словам Аристотеля «...Демокрит доказывает невозможность возникновения каждой вещи: так как время безначально...» [Аристотель «Физика», VII, 1. 6, 211с.]. Этим подтверждается постоянство этого мира, постоянство наших утверждений о космосе. Да и сам космос – это прежде всего порядок, постоянство, строй, «подлунный мир». В переводе с древнегреческого, само «устройство, строение» [9, 371 с.]. Анализируя трактовку М. Хайдеггером древнегреческого космоса, О. Д. Кошмило отмечает, что «...неся в себе основание гармонии, природный космос самопроизвольно осуществляет стихийное распределение своего прибытия и убытия...» [4]. Характеризуя древнегреческий космос, А.Ф.Лосев отмечает, что «...он весь живой с начала до конца, так что для него не существует не только ничего неорганического, но даже и ничего неодушевлённого...» [5, 305 с.]. Поэтому, с одной стороны, космос постоянен, с другой вечно самообновляется. Согласно тому же А. В. Лосеву, «...античный космос...существует просто вне времени...» [5, 304 с.].

Правда, следует подчеркнуть, что все упомянутые мыслители ни оригинальны в своей точке зрения относительно вечной природы Универсума (Вселенной). В соответствии с высказываниями Аристотеля «...это тезис древний, и его признавали все...» [DK A24]. А рождаться вещам не позволяет Правда и сила достоверности: «...из сущего сила достоверности никогда не позволит Рождаться чему-либо, кроме него самого. Вот почему Правда (Дикэ) не отпустила [сущее] рождаться...» [Симпликий, комментарий к «Физике», 179, 29, DK B8 (12-14)]. А Правда всегда с Законом: «...Закон вместе с Правдой...» [Парменид «О природе», фр. 29]. Такой вот постулат, не требующий дополнительных доказательств для Парменида и Мелисса.

Другой постулат, устанавливающий Единому оставаться постоянно в одном и том же месте, диктуется природной необходимостью, «...ибо неодолимая Ананкэ держит [его] в оковах предела [-границы], который его запирая-объемлет...» [Симпликий, комментарий к «Физике», 179, 29, DK B8 (30-31)], а «...Мойра приковала его быть целокупным и неподвижным...» [Симпликий, комментарий к «Физике», 179, 29, DK B8 (37-38)].

Изменение, превращение и развитие

Единое – не изменялось, не изменяется и не будет изменяться. И данная позиция Мелисса, по нашему мнению, целиком основывается на утверждении Парменида и Зенона о невозможности движения и перемещения, но только переработанная и постулированная Мелиссом, в том числе, и в смысле нежелательности для Единого ни болеть, ни горевать, ни страдать, то есть быть бесстрастным, здоровым и вечно юным. И в этом месте возникает следующий вопрос по поводу толкования фрагмента В7 (2). Мог ли Мелисс иметь в виду, когда формулировал своё итоговое заключение в В7, что Единое не движется, когда обладает не

только полнотой и завершённостью в пространственном и временном значении, но и когда Оно невозмутимое, бесстрастное, здоровое и вечно молодое, то есть живое, молодое и радующееся всему, и всегда, и везде. То есть, живое, как жива природа. В переводе Дильса Единое не движется, если Оно заполнено, по немецки – Voll. Но предполагаемый нами смысл в том, что Единое должно быть и живым, и вечно созидающим все вещи и тела мира. А учение Мелисса об Едином, по его воззрениям, должно быть логически стройным, теорией, устоявшейся парадигмой или мировоззрением. В связи с этим, как учение, Единое и не движется, оно здесь и сейчас. Оно – отражение в сознании живого, безграничного и вечного мира, догма Мелисса. Недаром Парменид в диалоге Платона «Парменид» предполагает, что об едином «...возможно...познание, и мнение о нём, и чувственное его восприятие...» [Платон «Парменид», 155, d].

И на это обращает внимание Ф. Солмсен: «Some scholars and editors...including Diels and Kranz, have not escaped the spell of the words by which Simplicius introduces B7; their presentation of B7 recognizes «кинэсис» as the general denominator for all changes repudiated in the fragment» (Некоторые учёные и издатели...включая Дильса и Кранца не избежали магии этих слов, которыми Симпликий предваряет фрагмент В7; их представление фрагмента В7 признаёт «кинэсис» (движение) в качестве общего знаменателя для всех изменений, отвергнутых во фрагменте (пер. мой) [13, 10 p.]. Более того, далее Ф. Солмсен делает удивительный вывод о замене ключевого понятия «плеон» (заполненность) понятием «кенеон» (пустота). Вот эти слова: «For in 7.7-10 «кенеон», «арайон» and «пукнон» are investigated, «кинэсис» is with their help ruled out of existence...and in the end a decision between «плеон» and «кенеон» is made in favor of the former (Ибо во фрагментах 7.7-10 «пустота», «разреженность» и «плотность» исследуются, «движение», с их помощью, исключается из существования...и, в конце, выбор между «полное» и «пустота» осуществляется в пользу упомянутого выше первого» [13, 10 p.]. Таким образом, можно предположить, что Мелисс исключал из бытия не всё движение в целом и изменение, а местное движение (перемещение). Вот этот знаменитый итог рассуждений Мелисса: «Стало быть, раз пустоты нет, оно по необходимости должно быть полным. А раз оно полное, то не движется» [Симпликий, комментарий к «Физике», 103, 30, фрагмент В 7.10]. В заполненном пространстве действительно механическое движение (а иного движения в античности и не знали) невозможно. Д. Барнс пишет, что у Мелисса «...Every ai constantly changes...» (Каждое ai постоянно меняется –пер.мой) [10, 234 p.]. Правда, сразу же добавляет: «...The word «constantly» is not in Melissus' text; but it is, I think, implicit in the last phrase of paragraph [iv]...(Слово «постоянно» отсутствует в тексте Мелисса; но, я полагаю, оно подразумевается в последней фразе параграфа [4] – пер. мой) [10, 234 p.].

У Платона в диалоге «Парменид» мы находим обоснование существованию изменения. Парменид своему собеседнику Аристотелю говорит о том, что для изменения характерно существование во времени. А процесс перехода из состояния покоя в состояние движения и наоборот включает в себя некое пограничное положение, которое Парменид обозначает термином «вдруг», лежащее «...между движением и покоем, находясь совершенно вне времени...» [Платон «Парменид», 156e]. То есть начало движения либо начало покоя находятся на внешней границе процесса изменения и вне времени, настолько кратковременен этот миг. Для существования во времени необходима оформленность и завершённость, «целокупность». И неважно, присуща эта законченность мельчайшей частице либо целой Вселенной поскольку существование, бытийствование вне времени не происходит. Оно, бытие, только во времени и со временем. Недаром, в упомянутом диалоге Платона, Парменид утверждает, что «...единое не причастно времени и не существует ни в каком времени...» [Платон «Парменид», 141d], а главное, что «...единое никак не причастно бытию...» [Платон «Парменид», 141e]. Поэтому, для Мелисса Единое бесконечно, ибо во времени оно себя может исчерпать, истончить, израсходовать. И подтверждением этому служат слова Мелисса: «...если оно будет изменяться...на один волосок за десять тысяч лет, то уничтожится всецело за всю совокупность времени» [Симпликий, комментарий к «Физике», 103, 30, В7(2)]. Да и сам Парменид в диалоге с Сократом, выказывая озабоченность по поводу отделения единой идеи от самой себя, утверждает: «...ведь оставаясь единою и тождественною, она (идея-прим.моё) в то же время будет вся целиком содержаться во множестве отдельных вещей и таким образом окажется отделённой от самой себя» [Платон «Парменид», 131b]. И, вместе с тем, подтверждает, что «...сами идеи...делимы...и причастное им будет причастно их части и в каждой вещи будет находиться уже не вся идея, а часть её» [Платон «Парменид», 131c]. Кроме того, размышляя о том, возможно ли единому быть целым и находиться во многих

местах одновременно, Парменид утверждает: «...это невозможно...следовательно, оно расчленено, коль скоро оно не целое...» [Платон «Парменид», 144d] и «...само единое, раздробленное бытием, представляет собою огромное и беспредельное множество...» [Платон «Парменид», 144e]. Таким образом, можно подытожить это рассуждение следующим промежуточным выводом: Единое вне времени существует как нечто Целокупное и Всеобъемлющее, но переходя к обсуждению бытия вещей, выясняется, что оно, Единое Целое, изнутри состоит из частей, подобных самому Единому, и эти части бесконечны и безграничны как само Единое.

Гален выделяет нечто общее, лежащее в основе всех вещей у Мелисса: «Этот философ (Мелисс – прим. моё) хотел сказать, что имеется некая общая субстанция...не возникшая и не уничтожимая, которую последующие (философы) назвали «материей»...эту самую субстанцию он и называет «одно-и-всё» [DK A977a6]. Учения об «Апейроне» Анаксимандра и «Безграничного» Мелисса сообщают нам о материи многое, и это сообщение касается и формы материи, как знака, обозначающего материю, да и самого содержания материальных вещей и тел. Так, что в очередной раз будем полагаться в этом вопросе на слова Аристотеля, учитывая определённое отношение данного автора к фигуре Мелисса: «...Парменид исследовал формальное...одно, а Мелисс – материальное, поэтому первый полагает его конечным, второй – бесконечным...» [Аристотель «Метафизика», фрагмент 322]. Снова речь идёт о некоем «Одном», которое обладает свойствами всецелого, всеединого, всеобъемлющего и материального, одновременно. Представляется, что свойство быть одним и всем необходимо Мелиссу, дабы доказать познаваемость мира. Недаром, в поэме Парменида говорится о том, «...что за пути изысканья единственно мыслить возможно. Первый гласит, что «есть» и «не быть никак невозможно: это – путь Убежденья (которое Истине спутник)» [Парменид «О природе», фрагменты 2 (3,4)].

Подытоживая всё изложенное, следует сказать, что «Безграничное» Мелисса следует понимать и трактовать и как не имеющее начала во времени, и как некое «безграничное» в пространстве: «...имеются вечно сущие, граничащие между собой» [Псевдо-Аристотель, DK A976a3] и «...коль скоро оно вечно, то бесконечно («апейрон»)...ведь оно всецело («пан»)» [Псевдо-Аристотель, DK A974A10], а также «...коль скоро всё, что есть, безначально, то оно и бесконечно...» [Псевдо-Аристотель, DK A974b22]. И такой довод поддерживал Джон Бэрнет «...Melissos did indeed differ from Parmenides in holding that reality was spatially as well as temporally infinite...» (Мелисс действительно отличался от Парменида тем, что полагал действительность, как в пространственном, так и во временном отношении бесконечной...») (пер. мой) [11, 375 p.]. Дж. Бэрнет находил в этом связь между взглядами Мелисса и постулатами ионической школы: «...It is possible that he was influenced in this by his association with the Ionic school (...Возможно, что он находился под влиянием того, что связывало его с Ионической школой)» (пер. мой) [11, 375 p.]. Критикуя Мелисса, Аристотель полагал, что у него для Единого не существует начала. Это сущее бытийствующее, если и имеет части, то их бесконечное множество подобных Одному Единому Целому. И данные «сущие» не возникают, не «рождаются», не увеличиваются, не уменьшаются в размерах, ибо им можно замещаться друг другом, потому что: «...то (количество), на которое оно возросло по числу и величине, возникло бы из ничего, ибо в меньшем числе не содержится большего...» [Псевдо-Аристотель, DK A974A7]. А «ничего», как известно не существует. Указанные «сущие» вечны во времени, но безграничны ли они по величине и по количеству? У Демокрита мы позже увидим бесконечные по числу форм атомы. Мелисс же следует своему сотоварищу Зенону, не допуская становления и развития вещей и тел во времени. Достаточно вспомнить апорию Зенона «Стрела». Стрела просто покоится в каждом малейшем дискретном промежутке времени. Симпликий утверждал также, что Мелисс «о величине...говорит не в смысле протяжённости...» [DK B1].

А самое главное, что Мелисс показывает – так это то, что его Одно Единое Целое, его учение и метод никак не противопоставляются изменению, развитию и преобразованию частиц, вещей и тел. Его утверждение о невозможности движения касается лишь механического перемещения в заполненном пространстве Единого Целого, которое и безгранично, и бесконечно, и одно. А возможность движения тех же самых подобочастных частиц в этом пространстве Целого будет рассмотрена творцами новой, ещё только нарождающейся, атомистической картины мира.

Список литературы:

1. Аристотель. Метафизика. – М.: Эксмо, 2015. – 24 с.
2. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.3. – М.: Мысль, 1981. – С. 64, 66.
3. Греческо-русский словарь // Под ред. А.Д. Вейсмана. – СПб.: Изд-во «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1899. – 371 с.
4. Кошмило О.Д. Философско-экономические аспекты символизации космоса в античном ритуале и досократической философии: онтологический анализ // Издательство «Грамота» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/25.html> (дата обращения: 21.08.2017).
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 2. – М.: Искусство, 1994. – С. 304-305.
6. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. – Л.: Наука, 1970. – 211 с.
7. Платон. Федон. Пир. Федр. Парменид // Общ. ред. А.Ф. Лосева, А.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1999. – С. 351-395.
8. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических космогоний до возникновения атомистики // Сост. и пер. А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. – С. 315-330.
9. Эфесский Г. Всё наследие: на языках оригинала и в русском переводе. Краткое издание // Пер. С.Н. Муравьев. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 162 с.
10. Barnes J. The Presocratic Philosophers. London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2005. 234 p.
11. Burnet J. Early Greek Philosophy. London: Adam and Charles Black, 1908. 375 p.
12. Curd P. Parmenides and after – Unity and Plurality // A Companion to Ancient Philosophy. Malden. Oxford. Victoria: Blackwell Publishing Ltd, 2006. 49 p.
13. Solmsen F. The «Eleatic One» in Melissus». Amstedrdam. London: North Holland Publishing Company, 1969. 10 p.